

перестает быть философией из-за того, чем она пользуется, и, следовательно, перестает существовать? Когда Декарт говорит, что он «всегда полагал, что существуют два основных вопроса — о Боге и душе — среди тех, кои надлежит доказывать скорее доводами философии, нежели теологии»*, то он, в свою очередь, тоже устанавливает границу. Но ведь это — та же самая граница, о

575

3. Итоги средневековой мысли

которой говорил св. Фома. И Декарт придерживается того же мнения, ибо для св. Фомы, как и для Декарта, существование Бога и бессмертие души суть проблемы по своему существу философские. Итак, философ и теолог рассматривают одни и те же проблемы, рассматривают их посредством одного и того же естественного разума, а их различные доказательства лишь подтверждают тождественные выводы. Кто-нибудь возразит: безусловно, но там, где речь заходит о философии, св. Фома философствует как христианин. Это верно, но то же самое делает и Декарт. Он пишет: «Что же касается души, то, хотя многие считают исследование ее природы делом нелегким, а некоторые даже осмеливаются утверждать, будто, согласно доводам человеческого разума, она погибает вместе с телом, и противоположный взгляд зиждется только на вере, все же — поскольку Латеранский собор, состоявшийся при Льве X, на восьмом своем заседании осудил такие воззрения и ясно предписал христианским философам опровергать подобные аргументы и по мере сил выявлять истину, — я не усомнился приступить к этой теме в данном сочинении»*. Когда его «Размышления» отступают от требований Собора, этот «христианский философ» переходит границу в другую сторону. Построить для теологии преамбулы веры, даже если философ — Декарт, есть дело теолога.

Было бы полезно расширить спор, рассмотрев само содержание современной метафизики. На вопрос: «Пришла ли современная философия после греческой философии к тому, что средневековых теологических учений как бы не существовало?» — можно ответить другим вопросом: «На кого более походит Бог Декарта, Паскаля, Мальбранша и Беркли — на Бога Аристотеля, Бога св. Павла, св. Августина или св. Фомы Аквинского»? Вряд ли кто осмелится спрашивать у историков современной философии, уверены ли они, что теология Оккама не дошла благодаря своему номинализму до Локка, а через Локка — до Дэвида Юма; но они ста-

нут невразумительно объяснять метафизику Мальбранша, не произнося имени св. Августина. Не слишком обостряя своего внимания, они, несомненно, поднимутся выше по исторической лестнице, — возможно, до наших дней. Из тех наших современников, кто пользуется свободой мысли для того, чтобы считать устаревшими первые положения томистской метафизики, и из тех, кто пользуется ими, чтобы оправдать существование любой метафизики, самые «современные», быть может, не те, кого мы имеем в виду. Обычные пережитки, говорят они; но пережить — значит жить: это единственное найденное до сих пор средство избежать смерти.

Не случайно некоторые идеи, которые рассматривались как характерные для современной науки и философии, возникли в средние века. Это не был блестящий период развития философии, за которым последовал длительный упадок. XIII век — классическая эпоха схоластики — не был той вершиной, за которой последовал период упадка. Но исходя из проблем, поставленных этим веком в соответствии со своими собственными требованиями, философы XIV века преподнесут с явно осязаемым духом доктринальной преемственности новые решения этих старых проблем. Ценой непрерывных усилий,